

Genesis: исторические исследования

Правильная ссылка на статью:

Козлова Д.И. Представления о правителе-меценате в посвящениях немецких литераторов эпохи Тридцатилетней войны (1618-1648) к князю Людвигу Ангальт-Кётенскому // Genesis: исторические исследования. 2025. № 8. DOI: 10.25136/2409-868X.2025.8.75495 EDN: LWIGXR URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=75495

Представления о правителе-меценате в посвящениях немецких литераторов эпохи Тридцатилетней войны (1618-1648) к князю Людвигу Ангальт-Кётенскому

Козлова Дарья Игоревна

ORCID: 0009-0003-2268-7421

аспирант; Исторический факультет; Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

119991, Россия, г. Москва, ул. Ленинские Горы, 1

✉ darya.koslova@mail.ru

[Статья из рубрики "История и литература"](#)

DOI:

10.25136/2409-868X.2025.8.75495

EDN:

LWIGXR

Дата направления статьи в редакцию:

07-08-2025

Дата публикации:

14-08-2025

Аннотация: В статье исследуются представления о фигуре правителя-мецената, засвидетельствованные в книжных посвящениях – особом историческом источнике, наиболее распространенном в XVI-XVII вв. Для исследования были отобраны посвящения от немецких литераторов к князю Людвигу (1579–1650), правителю небольшого центрально-германского княжества Ангальт-Кётен. Хронологические рамки исследования связаны с Тридцатилетней войной (1618–1648), временем наиболее активной деятельности князя в рамках основанной им в 1617 г. первой немецкой академии – просветительского «Плодоносящего общества», участниками которого стали самые выдающиеся поэты и писатели эпохи барокко, такие как М. Опиц, Ю. Г. Шоттель и Г. Ф. Гарсдёрффер. Основными источниками исследования статьи являются документы

личного происхождения – книжные посвящения и корреспонденция князя Людвига Ангальт-Кётенского с литераторами. Характер источников и цель исследования, связанная с анализом восприятия князя Людвига современниками, определяют подход к заявленной теме: работа основана на методологии «интеллектуальной истории», разработанной Л. П. Репиной, и социальной истории. Главным образом, в историографии освещена деятельность князя Людвига, как правителя и главы Плодоносящего общества, а специальной литературы, изучающей его восприятие, как мецената, фактически не существует. Книжные посвящения – довольно специфический источник, в котором князь предстает в образе идеального мецената, в связи с чем, судить по ним о его личности можно лишь условно. Тем не менее, такие обращения содержат важную информацию о социальном статусе князя Людвига. В статье сделан вывод о том, что благодаря преемственности в традициях написания посвящений, ведущих начало от первого текста такого типа к князю Людвигу – от поэта Мартина Опица в 1625 г., в кругу немецких интеллектуалов стал формироваться образ «идеального мецената», высокообразованного монарха, способного по достоинству оценить творчество литераторов и оказать поддержку в издательстве и поиске других состоятельных покровителей. Взамен литераторы обещали князю-меценату свою службу и возможность даровать его деяниям истинное бессмертие – запечатлеть их в своем творчестве и, тем самым, сохранить о них вечную память.

Ключевые слова:

Германия, Ангальт, Тридцатилетняя война, Плодоносящее общество, барокко, меценатство, патриотизм, литература, издательство, посвящения

В истории культуры Священной Римской империи германской нации XVII века особая роль принадлежит Асканиям, князьям из Ангальта – небольшого центрально-германского княжества, разделившегося на рубеже XVI-XVII вв. на несколько частей. Пик их меценатской деятельности совпал с трагической страницей в истории Германии – Тридцатилетней войной (1618-1648). Вопреки её разрушениям этот период стал временем широкой деятельности одного из главных меценатов Ангальта – князя Людвига Ангальт-Кётенского (1579-1650). Большую часть своей жизни он посвятил руководству языковым «Плодоносящим обществом», основанным в 1617 г. Это была первая в империи «академия», научно-просветительская аристократическая организация [2, с. 173; 9, с. 17-32]. В программу общества, написанную князем Людвигом, были положены идеи общегерманского патриотизма, «любви, добродетельности и учтивости, в первую очередь, по отношению к Отечеству» [18, с. 5], необходимости развития литературного немецкого языка, борьбы с иностранным влиянием в речи и формах общественного поведения. Князь Людвиг стремился поддерживать в первую очередь тех, кто культивировал немецкий литературный язык и выдвигал идеи любви к Отечеству [8].

Целью данной статьи является изучение представлений о правителе-меценате в среде немецких литераторов в период Тридцатилетней войны на примере их посвящений к князю Людвигу Ангальт-Кётенскому. При нём в Плодоносящее общество вступило множество талантливых деятелей, которых он нанимал для выполнения заказов на свои различные «проекты» и оказывал им покровительство – художники, педагоги, ученые-лингвисты и грамматики. Однако в центре внимания меценатской деятельности князя находились литераторы. Он сотрудничал с самыми известными поэтами и писателями

эпохи барокко — Мартином Опицем, Филиппом фон Цезеном, Георгом Филиппом Гарсдёрффером, Юстусом Георгом Шоттелем и другими.

В немецкой историографии, разумеется, есть работы, посвященные истории правления ангальтских князей [22, 23, 24, 25, 48, 49, 50, 51, 61, 77] и отдельно князю Людвигу [37, 58]. В самых ранних трудах, относящихся к XIX в., князь Людвиг фигурировал, в первую очередь, как основатель Плодоносящего общества. Причем оно рассматривалось, как исключительно патриотическая языковая организация, члены которой «занимались переводом иностранных произведений на немецкий язык» [50, с. 140]. Взаимодействие князя Людвига с литераторами отчасти рассматривается в работах, посвященных деятельности языковых обществ XVII в [42 54 55 66 74]. Однако их восприятие князя Людвига, как мецената, целенаправленно прежде еще не изучалось. Пожалуй, наиболее вероятным объяснением этому является то, что его фигура в значительной степени оттенена исследованиями по истории Плодоносящего общества [20 21 38 56]. Оно представлено в современных исследованиях, как светская патриотическая организация, в которой главную роль играли представители протестантской правящей элиты. К тому же, как отмечают историки Георг Шмидт и Андреас Херц литературными переводами и «культивированием языка», в соответствии с программой, занимались очень немногие его участники [52; 71, с. 9, 14-15]. Таким образом, центральное место в историографии занимает деятельность князя Людвига, как правителя и главы патриотической организации, а специальной литературы, изучающей фигуру князя Людвига, как мецената, и его восприятие современниками — немецкими поэтами и писателями фактически не существует.

Предметом исследования статьи являются посвящения к князю Людвигу, позволяющие исследовать представления об образе правителя — покровителя искусств в годы Тридцатилетней войны. Посвящения литераторов к правителям представляют собой особый тип исторических источников. В XVI-XVII вв. почти в каждом издании литературного произведения имелось обращение к высокопоставленному лицу. Оно было такой же неотъемлемой частью в структуре книги эпохи барокко, как титульный лист, девиз и предисловие, и помещалось либо перед последним, либо внутри него [39, с. 871-885; 43, с. 164].

Первым примером такого обращения среди немецких литераторов в первой половине XVII века стало посвящение поэта Мартина Опица к князю Людвигу в 1625 г [76, с. 92; 78, с. 507]. Именно на него впоследствии ориентировались другие поэты при обращении к меценату — в частности, Юстус Георг Шоттель, Иоганн Мошерош, а также Кристиан Гайнц в одном из своих писем. Для исследования были привлечены, во-первых, посвящения отдельно к князю Людвигу: сборника стихов Мартина Опица «Восемь книг немецкой поэзии» (1625 г.) [65, с. 5-15], научного труда Юстуса Георга Шоттеля «Введение в немецкий язык» (1643 г.) [72, с. 3-13], книги о Плодоносящем обществе Карла Густава фон Хилле «Немецкая пальма» (1647 г.) [53, с. 29-36], третьего тома поэтического сборника Филиппа фон Цезена «Немецкий Геликон» (1649 г.) [79, с. 3-4], книги эмблем Франца Юлиуса фон дем Кнезебека «Три постоянных символа» (1643 г.) [57, с. 9-13]. Во-вторых, посвящения ко всему Плодоносящему обществу и князю Людвигу, как его главе: двух частей «Разговорных игр для дам» Георгия Филиппа Гарсдёрффера — первой (1641 г.) и третьей (1643 г.) [45, с. 6-9; 46, с. 7-9], аллегорической пьесы Иоганна Риста «Миролюбивая Германия» (1649 г.) [68, с. 12-18] и переиздания сборника сатирических

рассказов Иоганна Мошероша «Видения Филандера фон Зиттевальда» (1650 г.) [64, с. 1-10].

Книжное посвящение в XVII в. создавалось либо в поиске покровительства (среди отобранных для рассмотрения в данной статье это обращения Опица 1625 г. и Гарсдёрффера 1641 г.), либо в качестве благодарности за оказанное расположение (все остальные) [15, с. 82; 34, с. 3-4]. Такие посвящения были, главным образом, направлены на то, чтобы поставить публику в известность о сотрудничестве между литератором и его адресатом-меценатом, и, таким образом, расположить читателя к себе и своему произведению [73, с. 600]. Центральной темой каждого из подобных посвящений было восхваление покровителя, описание его добродетелей и достижений. Литераторы очень серьезно подходили к составлению обращений, проделывали работу, чтобы узнать полное имя, титулы, заслуги адресата, о чем можно судить по переписке Мартина Опица [26, с. 438-439, 452]. Подобные литературные посвящения отличает высокопарная манера, граничащая с лестью. Однако существовало обязательное условие, чтобы похвала была уместной и правдивой, иначе обращение могло вызвать неудовольствие адресата [73, с. 130]. Все посвящения небольшие по размеру — от одной до десяти страниц. Краткость была обязательным условием, в соответствии с придворным этикетом и представлением, что долго отвлекать высокопоставленное лицо неучтиво: как писал Мошерош, поскольку «князья принадлежат княжеским делам» [64, с. 6]. Однако несмотря на небольшой размер, такие источники содержат ценную информацию о том, что представлял собой немецкий князь-меценат в исследуемую эпоху в глазах литераторов, ввиду того, что именно в посвящениях они подробно восхваляли, благодарили адресата и описывали свои ожидания к нему, как покровителю.

Помимо книжных посвящений для исследования были привлечены корреспонденция князя Людвига с литераторами, а также официально-деловые документы Плодоносящего общества. Подход к теме статьи определяется с помощью методологического инструментария «интеллектуальной истории», разработанного Л. П. Репиной. Именно интеллектуальная среда эпохи Тридцатилетней войны определяла образ жизни немецких интеллектуалов и аристократов, формируя особую «интеллектуальную культуру», отраженную в устной и письменной речи [12, с. 8]. Для объективного исследования представлений, характерных различным слоям немецкого общества в первой половине XVII в., необходимо рассматривать тексты источников, как отражение «интеллектуального климата» этого периода. Для изучения, насколько типичными или уникальными являлись те или иные представления о правителе-меценате в рамках данного социума, необходимо также учитывать методологию социальной истории [13, с. 408]. Изучение представлений о князе Людвиге, как меценате, предполагает составление в данной статье социологической персонификации фигуры правителя — покровителя искусств.

В эпоху Тридцатилетней войны, как и всего раннего нового времени в целом, покровительство деятелям культуры было характерно для большинства немецких правителей. Меценатство было не только «хорошим тоном», но и частью политической стратегии по укреплению собственного государства: привлекая к себе деятелей искусств, правители способствовали и презентации своей власти, поднимали собственный авторитет [10, с. 248; 4, с. 300-301; 14, с. 6; 17, с. 56]. В этом ключе поддержка наук и искусств стала обязательным аспектом политики и презентации власти. В то же время, на занятие меценатством князя Людвига оказали влияние господствующие в

обществе в этот период духовно-нравственные идеалы — гуманистические культурные ценности, внимание к наукам и искусствам, образованию и просветительской деятельности [10, с. 235-236]. В целом, все ангальтские князья имели отличное образование и на протяжении всей жизни уделяли большое внимание изучению языков, наук и искусств [50, с. 130]. Людвиг Ангальт-Кётенский в молодости путешествовал около десяти лет, посетив ряд стран Европы, в том числе Англию, Францию, Нидерланды [58, с. 22; 70]. Определяющее влияние на его художественный вкус оказало длительное пребывание в Италии (в течение шести лет), где он учился в Болонском университете, посетил двор флорентийских правителей Медичи, в 1600 г. был принят в Академию делла Круска и работал над её первым словарем [26, с. 187-189, 225-226; 32, с. 689]. Князь Людвиг был искренне увлечен литературным творчеством и сам работал над довольно масштабными произведениями. Кроме большого числа стихотворений на немецком языке, он написал дидактическую поэму «Краткая история о вымышленном Купидине» (1637 г.) [29, с. 233-234], перевел с латинского «Христианского Сенеку» (1648 г.) [33, с. 456] и «Книгу Иова» (1638 г.), переложив второй на около 7000 Александрийских стихов [30, с. 203]; перевел с французского исторический роман «История великого императора Тамерлана» Жана Дю Бек-Креспена (1639 г.) [29, с. 417], «Священное описание мира» Поля Геслина и поэму «Мудрый старец» Симона Гуларта (1643 г.); а также переложил на немецкий язык ряд произведений с итальянского — «Триумфы» Петрарки (1643 г.) [31, с. 735], «Преследуемый Давид» (1643 г.) и «Ромул и Тарквиний» (1647 г.) Вирджилио Мальвецци [33, с. 324-325], «Венценосный Давид» Петра Вермилльи (1648 г.) [33, с. 654].

В связи с этим, в посвящениях литераторов князь Людвиг фигурировал не только как «покровитель и защитник немецкого языка» [65, с. 11; 29, с. 723-724; 31, с. 524, 540], но единственный, кто может оценить по достоинству и «судить наиболее разумно» литературное творчество [68, с. 14]. Наряду с ангальтскими поэтами Тобиасом Хюбнером и Дирихом фон дем Вердером князь Людвиг носил неформальное звание «мастера рифм» [27, с. 14, 288-290] среди поэтов княжества Ангальт, а князь Кристиан II Ангальт-Бернбургский называл его «нашим Вергилием» [27, с. 212].

В свою очередь, литераторы, которым князь Людвиг оказывал поддержку, имели довольно неоднородное происхождение и образ жизни. Среди них были выходцы из аристократов (Т. Хюбнер, Д. фон дем Вердер, Ф. фон Шиллинг), из семей церковнослужителей протестантского толка (Ф. Цезен, Ю. Г. Шоттель, И. Рист, К. Гайнц), патрициата (И. Мошерош, Г. Ф. Гарсдорффер, Г. Ф. Гейдер) и верхушки образованного бюргерства (М. Опиц). Все они имели и начальное школьное, и университетское образование, полученное как в немецких университетах, так и в ведущих европейских — Нидерландах и Италии. По образованию среди подопечных ангальтских князей были юристы (М. Опиц, Г. Ф. Гарсдорффер, И. Мошерош, Т. Хюбнер), теологи (И. Рист), филологи и лингвисты (А. Бюхнер, Ф. Цезен, Ю. Шоттель). Именно образование определяло их основную деятельность. Никто из литераторов, которым покровительствовали ангальтские князья, не занимался исключительно творческой деятельностью. Например, Мартин Опиц с 1626 г. служил секретарем графа Карла Ганнибала фон Дона (причем называя его своим «меценатом») [27, с. 159; 28, с. 357-360, 462]; имели военную карьеру и должности советников при княжеских дворах Тобиас Хюбнер (в Ангальт-Дессау) [28, с. 640], Дирих фон дем Вердер (в Гессен-Касселе и Бранденбурге) [30, с. 553; 32, с. 803-806] и Ганс Филипп фон Гейдер (с 1636 г. в Ангальт-

Бернбурге) [36]; Георг Гарсдёрффер и Иоганн Мошерош имели юридическую карьеру [44, с. 166-168; 62, с. 704]; Иоганн Рист служил проповедником и домашним учителем [40, с. 646]; Фридрих фон Шиллинг был воспитателем сына князя Людвига, а затем гофмаршалом и советником в Кётене [36]; Филипп фон Цезен работал переводчиком и корректором в разных издательствах [67]. Таким образом, все литераторы, которым покровительствовал князь Людвиг, сочетали творческую деятельность с некой службой. С одной стороны, это объяснялось тем, что в этот период литература для многих образованных людей была лишь досугом, в первую очередь, для аристократов [1; 63, с. 74-99] — например, для Вердера, Хюбнера и Шиллинга. В соответствии с традициями воспитания, аристократы изучали иностранные и древние языки, многие занимались стихосложением — эти занятия были частью образа жизни высших слоев немецкого общества. С другой стороны, для литераторов незнанного происхождения сочетание занятия искусством с некой работой было во многом вынужденной практикой. Литературное творчество не приносило достаточного дохода, в связи с чем, поэты и писатели поступали на службу, чтобы иметь средства к существованию [6, с. 144; 7, с. 264]. Однако именно в таком случае можно судить, что это были в значении, приближенном к современному, литераторы-профессионалы, для которых литературное творчество было настоящим «призванием». В первую очередь, это касается Опица, Мошероша, Гарсдёрффера и Цезена [67]. Именно эти деятели, а не поэты-аристократы Вердер или Хюбнер вошли в историю немецкой литературы, как выдающиеся поэты эпохи Тридцатилетней войны [4, с. 304-305; 5, с. 61-90; 11, с. 311-312], и именно для них поддержка меценатов была особенно важна, что они пытались обосновать в своих посвящениях к князю Людвигу.

В связи с этим, первое обращение этого периода от Мартина Опица даже называют неформальной «программой концепции меценатства Опица», ставшей образцовой в жанре книжных посвящений в XVII в [76, с. 92; 78, с. 507]. Как объясняет Габриэль Шрамм в книге «Посвящение, читатель и драма», поскольку обращения публиковались, они не только объявляли придворному обществу об установленных отношениях с покровителем, но также являлись своего рода неформальными «договорами» или программами, в которых обращающийся писал не только о своих обещаниях и обязанностях, как подопечного, но и пожелания к деятельности самого покровителя [73]. Разумеется, такие посвящения отражали не реалии, а скорее идеальный вариант — то, каким меценатство должно быть, по мнению литераторов. Акцент в них был сделан на идеальном образе адресата. Литераторы стремились подчеркнуть исключительность князя Людвига, как образцового правителя [33, с. 452-453], выражали солидарность с программой Плодоносящего общества, идеями борьбы с иностранным влиянием [31, с. 190] и желание служить своим творчеством на благо Отечества [32, с. 927]. В свою очередь, говоря о себе и описывая свои качества и достижения, литераторы непременно использовали эпитеты «малый» [31, с. 540-544; 68, с. 17; 79, с. 4], «скромный» [29, с. 385; 31, с. 189-190], «смиренный» [33, с. 452-453], «недостойный» и «незаслуженный» [33, с. 412, 452-453; 68, с. 18], «обделенный красноречием» [31, с. 648], постоянно подчеркивали свою преданность, покорность, готовность «с усердием» и «величайшей осторожностью» служить интересам и целям мецената [29, с. 364, 381, 385; 31, с. 189-190; 33, с. 225, 412, 452-453, 567; 68, с. 18; 79, с. 3-4], учиться [31, с. 428-430] и следовать «всем наставлениям и приказам» [29, с. 364; 32, с. 927]. Такая уничижительная манера была данью формату посвящения.

Однако, объясняя необходимость для князя Людвига взять их под покровительство,

вслед за Опицем многие литераторы апеллировали к взаимозависимости развития наук и искусств и процветания государств и доказывали, что правители также нуждаются в литераторах [29, с. 723-724; 65, с. 5-11; 72, с. 3-13]. Почти все они при обосновании своей важной роли в государстве неоднократно ссылались на стремление всех монархов к бессмертию в памяти потомков [65, с. 5-6]: этот аргумент использовали Мошерош, Шоттель, Хилле, Кнезебек и Рист [31, с. 190, 524, 540; 53, с. 32; 68, с. 13]. Опиц писал, что именно поэзия обеспечивает бессмертие, поскольку та «переживает и дворцы, и гробницы, и крепости, и города» [65, с. 14]. Продолжал эту мысль Мошерош, по выражению которого только «искусство способно создать неувядаемые цветы и плоды» [31, с. 580]. Поэт писал — в масштабах вечности «перо может сделать больше, чем меч», оно «одно парит наверху, и то, что им создано, остается, пока стоит мир» [64, с. 10]. Гарсдёрффер добавлял в одном из писем, посвященных дискуссии о роли поэтов в государстве, что без них «ни один язык нельзя выучить в совершенстве» и правильно говорить на нём, указывая тут же на роль поэзии в образовании — «пьесы служат для обучения неграмотных людей, трагедии воспитывают князей» [32, с. 674]. Таким образом, литераторы доказывали свою незаменимость для правителей, во-первых, способностью своим творчеством «даровать» им бессмертие, во-вторых, своей ролью, как главных учителей и воспитателей. Таким образом, восхваление мецената в посвящениях литераторов предполагало также просьбу и обоснование для покровительства.

Взамен литераторы, разумеется, желали материального вознаграждения. Опиц писал: «когда искусства вознаграждаются и почитаются / они имеют тенденцию расти / если бы добродетель была безвозмездной / кого бы не раздражал тяжелый труд?» [65, с. 13]. Кроме того, они искали поощрения для продолжения своей работы [26, с. 154, 270; 27, с. 428]. Они подчеркивали, что одобрение мецената для них очень важно [30, с. 292; 31, с. 540]. В условиях разрушительной войны и охватившего немецкое общество духовного кризиса, повлиявших на резкое падение количества издаваемых книг [4, с. 301; 16, с. 74], публиковаться было особенно трудно, а потому была так необходима поддержка покровителей. Например, члены Плодоносящего общества могли издавать на льготных условиях свои сочинения в издательстве, открытом князем Людвигом в Кётене в 1617 г. Литераторы выражали благодарность князю Людвигу за то, что «в такие неспокойные времена, на фоне лишений и критики», они нашли опору и смысл, направление для дальнейшей литературной деятельности в выполнении «святого дела» Плодоносящего общества [64, с. 5].

Более того, покровительство князя Людвига имело большое престижное значение для литераторов, поскольку он был главой знаменитого Плодоносящего общества. Репутация литераторов зависела от знатности их покровителей, причем, чем выше статус патрона и чем больше их количество, тем выше авторитет самого подопечного [17, с. 119; 47, с. 566; 60, с. 144]. В связи с этим, Гарсдёрффер, Мошерош и Рист обращались в своих посвящениях ко всему Плодоносящему обществу, а не только к одному князю Людвигу, его главе. Принятие в такую знаменитую и влиятельную в интеллектуальных кругах организацию означало, что способности того или иного деятеля были оценены по достоинству. Вопросы престижа были чрезвычайно важны для литераторов, поскольку они представляли собой довольно замкнутую и малочисленную группу в эпоху Тридцатилетней войны [7, с. 264]. Тем более, в связи с быстрым ростом числа членов Плодоносящего общества (к 1649 г. оно составляло 527 человек [32, с. 15]) при приеме

новых участников был объявлен строгий отбор [27, с. 212, 220]. Для немецких интеллектуалов вступление в Плодоносящее общество — главный проект князя Людвига — позволяло получить доступ в особое социальное пространство для сотрудничества с людьми разного статуса. Как писал Опиц, главная цель поэта — «искать благосклонности и расположения знатных людей» [65, с. 5], которых среди членов общества было множество.

Тридцатилетняя война стала катализатором крушения традиционных социальных ориентиров, постепенной трансформации сословного строя [3, с. 290; 4, с. 4-5]. Под воздействием «кризиса XVII века» [19; 35, с. 28; 41; 59; 75] и военных действий, приведшей к разорению большей части немецких земель и ухудшению финансового положения их жителей, немецкое общество охватил глубокий духовный кризис, повлиявший на упадок немецкой науки и искусства [4, с. 301; 10, с. 453-465; 11, с. 312; 16, с. 74]. В этих обстоятельствах деятели культуры находились в отчаянном поиске некой социальной опоры. Элементом стабилизации для них стала поддержка высокопоставленных меценатов. На фоне упадка многих немецких городов и университетов княжеские дворы в годы Тридцатилетней войны были главными центрами культурной жизни [4, с. 300], поэтому для деятелей искусства и науки наиболее желанным было найти покровительство в придворном обществе, иметь доступ в высшие круги.

Подводя итог, меценатская деятельность князя Людвига, правителя небольшого немецкого княжества Ангальт-Кётен стала своеобразным культурным символом эпохи барокко в Германии. Он был инициатором создания первой общегерманской научно-просветительской организации — Плодоносящего общества, объединившего многих выдающихся немецких интеллектуалов. Князь Людвиг внес неоценимый вклад в развитие немецкого барокко, собирая вокруг себя деятелей культуры и покровительствуя различным начинаниям в сфере искусства, в первую очередь поэзии. Искусство очень много значило для князя Людвига, он был искренне им увлечен и сам занимался творческой деятельностью. Благодаря взаимоотношениям князя Людвига с литераторами, в немецкой культуре начал формироваться образ «идеального мецената», «покровителя искусств и защитника муз» [29, с. 723-724; 31, с. 524, 540; 65, с. 5-15], который способен не только воспринимать, но и создавать литературное творчество, а также стремившегося служить с помощью меценатской деятельности своему Отечеству.

Библиография

1. Европейская поэзия XVII века / Сост. И. Бочкаревой и др. М.: Художественная литература, 1977. 926 с.
2. История немецкой литературы / Пер. с нем. Общ. ред. и предисл.: А. Дмитриева. Т. 1: От истоков до 1789 г. / В. Шпивок, Х. Лангер, П. Вебер. М.: Радуга, 1985. 350 с.
3. История Германии: учебное пособие / Под общ. ред. Б. Бонвеча, Ю. В. Галактионова. Т. 1: С древнейших времен до создания Германской империи. М.: Книжный дом "Университет" (КДУ), 2008. 544 с.
4. История культуры стран Западной и Центральной Европы в XVII веке / Д. А. Баюк, Л. М. Брагина, И. Ю. Варьаш и др. / Под ред. Л. М. Брагиной и др. СПб: "Наука", 2017. 589 с.
5. История немецкой литературы. Новое и новейшее время / Под ред. Е. Е. Дмитриевой (отв. ред.), А. В. Маркина, Н. С. Павловой. М.: Российский гос. гуманитарный ун-т, 2014. 811 с.
6. Кёнигсбергер Г. Г. Европа раннего Нового времени, 1500–1789 / Пер. с англ. Послесловие Д. Э. Харитоновича. М.: Издательство "Весь Мир", 2006. 319 с.

7. Лазарева А. В. Немецкая литература Тридцатилетней войны как исторический источник // Германия и Россия: события, образы, люди: сборник российско-германских исследований. 9. Воронеж, 2012. С. 263-280.
8. Лазарева А. В. Образ врага и становление немецкой национальной идеи в годы Тридцатилетней войны (1618–1648) // Вопросы истории. 2. 2013. С. 110-121. EDN: VNMRC
9. Лазарева А. В. "Чистый язык – сильная нация". "Плодоносящее общество" (1617–1680) в борьбе за немецкую национальную самобытность // Вестник Московского Университета. Серия 8: История. 2005. 3. С. 17-32. EDN: SMIKWT
10. Прокопьев А. Ю. Германия в эпоху религиозного раскола. 1555–1648. СПб.: ИЦ "Гуманитарная Академия", 2002. 384 с. EDN: UUKVTJ
11. Прокопьев А. Ю. Тридцатилетняя война. СПб.: "Наука", 2020. 385 с.
12. Репина Л. П. Интеллектуальная культура как маркер исторической эпохи // Диалог со временем. 22. 2008. С. 5-15. EDN: RETSLP
13. Репина Л. П. Историческая наука на рубеже XX-XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М.: Кругъ, 2011. 559 с. EDN: REKHBF
14. Собирательство и меценатство в эпоху Возрождения / Ред.-сост. А. В. Доронин, О. Ф. Кудрявцев. М.: РОССПЭН, 2015. 231 с.
15. Шартье Р. Письменная культура и общество / Пер. с фр. и послесл. И. К. Страф. М.: Новое издательство, 2006. 272 с. EDN: VWLSEN
16. Шомракова И. А. Всеобщая история книги: учебное пособие для студентов высших учебных заведений, обучающихся по специальности. Санкт-Петербург: Профессия, 2008. 391 с. EDN: QWESYF
17. Элиас Н. Придворное общество: исследования по социологии короля и придворной аристократии, с введением: социология и история / Пер. с нем. А. П. Кухтенкова. М., 2002.
18. Anhalt-Köthen, Ludwig von. Kurtzer Bericht Von der Fruchtbringenden Gesellschaft Vorhaben. Köthen: Fürstliche Druckerei, 1628. 62 S.
19. Aston T. Crisis in Europe 1560–1660. N. Y., 1965. 366 p.
20. Ball G. Alles zu Nutzen – The Fruchtbringende Gesellschaft (1617–1680) as a German Renaissance Academy // The Reach of the Republic of Letters. Literary and Learned Societies in Late Medieval and Early Modern Europe / A. van Dixhoorn / S. S. Sutch (Ed.). V. 2. Leiden, 2008. P. 389-422.
21. Ball G., Conermann K., Herz A., Schmidt-Glintzer H. Fruchtbringende Gesellschaft (1617–1680). Hundert Jahre nach der Reformation. Forschungen der Arbeitsstelle der Sächsischen Akademie der Wissenschaften an der Herzog August Bibliothek // Wolfenbütteler Forschungen. 150. Wiesbaden: In Kommiss. bei Harrassowitz. Hrsg. von der Herzog August Bibl., 2017. 480 S.
22. Beckmann J. C. Historie des Fürstenthums Anhalt von dessen alten Einwohnern und einigen annoch verhandenen alten Monumenten, natürlicher Güteigkeit, Eintheilung, Flüssen, Stäten, Flecken und Dörfern; Fürstl. Hoheit, Geschichten der fürstl. Personen, Religions-Handlungen, fürstlichen Ministris, adelichen Geschlechtern, Gelehrten, und andern Bürger-Standes Vornehmen Leuten. Abgefasset von Johann Christoff Beckmannen. Bd. I-VII. Zerbst: Verlegung Gottfried Zimmermans, 1710. Bd. 1-4, 588 S.; Bd. 5-7, 496, 390, 40 S.
23. Bertram P. E., Krause J. C. Geschichte des Hauses und Fürstenthums Anhalt. Fortsetzung der Bertramischen Geschichte des Hauses und Fürstenthums Anhalt. 2 Bd. Halle, 1782. 756 S.
24. Brademann J., Hecht M. Anhalt vom Mittelalter bis 1918 – Eine integrative Dynastie-und Herrschaftsgeschichte // Blätter für deutsche Landesgeschichte. 141/142. 2005/2006. S. 531-575.

25. Brademann J. Ursprungsort, Herrschaft und Territorium kleinerer Reichsfürsten. Burg und Fürstentum Anhalt bis ins 16. Jahrhundert // Die Fürsten von Anhalt. Herrschaftssymbolik, dynastische Vernunft und politische Konzepte в Spätmittelalter und Früher Neuzeit / W. Freitag, M. Hecht (Hg.). // Studien zur Landesgeschichte, Bd. 9. Halle/Saale, 2009. S. 56-79.
26. Briefe der Fruchtbringenden Gesellschaft und Beilagen (BFGB). Die Zeit Fürst Ludwigs von Anhalt-Köthen 1617–1650. Die deutsche Akademie des 17. Jahrhunderts Fruchtbringende Gesellschaft. Kritische Ausgabe. Reihe I, Abt. A: Köthen: 9 Bd. / Mitarb. v. D. Merzbacher, hrsg. v. K. Conermann. Wolfenbüttel, Tübingen: Niemeyer, 1992. Bd. 1: 1617–1626. 552 S.
27. BFGB / Mitarb. v. A. Herz, D. Merzbacher, hrsg. v. K. Conermann. Wolfenbüttel, Tübingen: Niemeyer, 1998. Bd. 2: 1627–1629. 558 S.
28. BFGB / Mitarb. v. G. Ball, A. Herz, hrsg. v. K. Conermann. Leipzig, Tübingen: Niemeyer, 2003. Bd. 3: 1630–1636. 753 S.
29. BFGB / Mitarb. v. G. Ball, A. Herz, hrsg. v. K. Conermann. Leipzig, Tübingen: Niemeyer, 2006. Bd. 4: 1637–1638. 813 S.
30. BFGB / Mitarb. v. G. Ball, A. Herz, hrsg. v. K. Conermann. Leipzig/Berlin, New York: de Gruyter, 2010. Bd. 5: 1639–1640. 711 S.
31. BFGB / Mitarb. v. G. Ball, A. Herz, hrsg. v. K. Conermann. Leipzig: De Gruyter, 2013. Bd. 6: 1641–1643. 880 S.
32. BFGB / Mitarb. v. G. Ball, hrsg. v. K. Conermann, A. Herz. Leipzig: De Gruyter, 2013. Bd. 7: 1644–1646. 1180 S.
33. BFGB / Mitarb. v. G. Ball, N. Dorn, A. Zirr, hrsg. v. K. Conermann, A. Herz. Leipzig: De Gruyter, 2019. Bd. 8: 1647–1650. 969 S.
34. Brown M. E. (Hg.) Dedications. An anthology of the forms used from the earliest days of book-making to the present time // Burt Franklin Bibliography and reference series. N. Y., 1965. (Reprint der Ausgabe von 1913) 470 S.
35. Burkhardt J. Der Dreißigjährige Krieg. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1992. 308 S.
36. Christian II. von Anhalt-Bernburg. Tagebücher. Personenregister [Электронный ресурс] // Digitale Edition und Kommentierung der Tagebücher des Fürsten Christian II. von Anhalt-Bernburg (1599–1656). Bearbeitet von R. G. Asch, P. Burschel, A. Schreiber, A. Zirr, A. Herz, A. Odier. Wolfenbüttel, 2013. URL: <http://diglib.hab.de/edoc/ed000228/start.htm> (дата обращения: 10.08.2025)
37. Conermann K., Hoppe G., Streuber I. Fürst Ludwig von Anhalt-Köthen (1579–1650) // Die Fruchtbringende Gesellschaft: zwei Aufsätze. Historisches Museum für Mittelanhalt. Köthen, 2002. 56 S.
38. Conermann K. War die Fruchtbringende Gesellschaft eine Akademie? Über das Verhältnis der Fruchtbringenden Gesellschaft zu den italienischen Akademien // Sprachgesellschaften, Sozietäten, Dichtergruppen / M. Bircher, F. van Ingen (Hg.) Hamburg, 1978. S. 103–130.
39. Deneler I. Widmungsgedicht // Reallexikon der deutschen Literaturgeschichte. Bd. 4. De Gruyter, 1984. 769–1120 S.
40. Diecks T. Rist, Johann // Neue Deutsche Biographie. Bd. 21. Berlin: Duncker & Humblot, 2003. 816 S.
41. General Crisis of the Seventeenth Century / Ed. by G. Parker, L. M. Smith. L.: Routledge & Kegan Paul, 1978. 283 S.
42. Gleixner U. Sprachreform durch Übersetzen. Die Fruchtbringende Gesellschaft und ihre "Verdeutschungsleistung" in der ersten Hälfte des 17. Jahrhunderts // Werkstatt Geschichte. 48. 2008. S. 7–23.
43. Haferkorn J. H. Zur Entstehung der bürgerlich-literarischen Intelligenz und des Schriftstellers in Deutschland zwischen 1750 und 1800. Deutsches Bürgertum und literarische Intelligenz 1750–1800 // Literaturwissenschaft und Sozialwissenschaften. 3.

- Stuttgart: Hrsg. von B. Lutz, 1974. S. 113-275.
44. Harms W. Moschersch, Johann Michael // Neue Deutsche Biographie. Bd. 18. Berlin: Duncker & Humblot, 1997. 816 S.
45. Harsdörffer G. P. Frauenzimmer-Gesprächsspiele. Erster Theil. Nürnberg: Gedruckt bey Wolfgang Endter, 1644. 452 S.
46. Harsdörffer G. P. Frauenzimmer-Gesprächsspiele. Dritter Theil. Nürnberg: Gedruckt bey Wolfgang Endter, 1653. 560 S.
47. Hauser A. Sozialgeschichte der Literatur. Muñchen: C.H. Beck, 1958. 603 S.
48. Hecht M. Anhalt und die Dynastie der Askanier in der Frühen Neuzeit // Mitteilungen des Vereins für Anhaltische Landeskunde. 21. Köthen, 2012. S. 91-106.
49. Hecht M. Die Erfindung der Askanier. Dynastische Erinnerungsstiftung der Fürsten von Anhalt an der Wende vom Mittelalter zur Neuzeit // Zeitschrift für Historische Forschung. 33. 2006. S. 1-31.
50. Heine G. Geschichte des Landes Anhalt und seiner Fürsten. Köthen: Verlag von E. Heine, 1866. 260 S.
51. Hermann L. Die Geschichte Anhalts in Wort und Bild. Cöthen: Verlag von O. Schulze, 1900. 114 S.
52. Herz A. Der edle Palmenbaum und die критическая Мühle. Die Fruchtbringende Gesellschaft als Netzwerk höfisch-аделiger Wissenskultur der frühen Neuzeit [Электронный ресурс] // Denkströme. Journal der Sächsischen Akademie der Wissenschaften. 2. 2009. URL: http://www.denkstroeme.de/heft-2/s_152-191_herz (дата обращения: 10.08.2025)
53. Hille K. G. Der Deutsche Palmenbaum. Das ist, Lobschrift Von der Hochlöblichen / Fruchtbringenden Gesellschaft Anfang / Satzungen / Vorhaben / Namen / Sprüchen / Gemählen, Schriften und unverwelklichem Tugendruhm / Allen Liebhabern der Teutschen Sprache zu dienlicher Nachrichtung, verfasset, durch den Unverdrossenen Diener derselben, Endter. Nürnberg, 1647. (Nachdruck: München, 1970). 231 S.
54. Huber W. Kulturpatriotismus und Sprachbewußtsein. Studien zur deutschen Philologie des 17. Jahrhunderts. Frankfurt am Main: Peter Lang, 1984. 318 S.
55. Hundt M. "Spracharbeit" im 17. Jahrhundert. Studien zu Georg Philipp Harsdörffer, Justus Georg Schottelius u. Christian Gueintz. Berlin, N. Y.: De Gruyter, 2000. 419 S.
56. Klaniczay T. Die Akademie als die Organisationsform der intellektuellen Elite in der Renaissance // Sozialgeschichtliche Fragestellungen in der Renaissanceforschung / A. Buck, T. Klaniczay (Hg.) Wiesbaden, 1992. S. 1-15.
57. Knesebeck F. J. Dreiständige Sinnbilder. Braunschweig, 1643. 204 S.
58. Krause G. Ludwig, Fürst zu Anhalt-Köthen, und sein Land vor und während des dreissigjährigen Krieges. Köthen: Verlag von P. Krause, 1877. 1084 S.
59. Krisen des 17. Jahrhunderts. Interdisziplinäre Perspektiven / Dir. M. Jakubowski-Tiessen. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1999. 126 S.
60. Leiner W. Der Widmungsbrief in der französischen Literatur (1580–1715). Heidelberg: Winter, 1965. 495 S.
61. Lindner H. Geschichte und Beschreibung des Landes Anhalt. Dessau, 1833. 649 S.
62. Lorenzen K. Harsdörfer, Georg Philipp // Neue Deutsche Biographie. Bd. 7. Berlin: Duncker & Humblot, 1966. 784 S.
63. Meid V. Das 17. Jahrhundert // Geschichte der deutschen Lyrik vom Mittelalter bis zur Gegenwart / Ed. by W. Hinderer. Stuttgart: Reclam, 1983. 645 S.
64. Moschersch J. M. Gesichte Philanders von Sittewald. 2. Teil. Straßburg, 1650. 709 S.
65. Opitz M. Acht Bücher Deutscher Poematum. Breslau: David Müller, 1625. 366 S.
66. Otto K. F. Die Sprachgesellschaften des 17. Jahrhunderts. Stuttgart, 1972. 75 S.
67. Pohl W. Philipp von Zesen Biographie [Электронный ресурс] // Deutsche Literaturgeschichte & Literaturepochen. URL:

- <https://www.pohlw.de/literatur/sadl/barock/zesen/> (дата обращения: 10.08.2025)
68. Rist I. Das friedewünschende Teutschland. Hamburg: Heinrich Waerner (Witwe), 1649. 262 S.
69. Ritter H. Dictionary of Concepts in History. Reference sources for the social sciences and humanities. 3. N.Y., Westport, Conn., L.: Greenwood Press, 1986. 520 p.
70. Sachse D. Glaubens-Grund/ Als Der ... Wilhelm-Ludwig/ Fürst zu Anhalt ... Des ... Herren Ludwigen Des Eltern/ Fürsten zu Anhalt. Köthen: Fürstliche Druckerei, 1651. 22 S.
71. Schmidt G. Die Anfänge der Fruchtbringenden Gesellschaft als политически мотивированная Sammlungsbewegung и höfische Академия // Die Fruchtbringer-eine Teutschhertzige Gesellschaft / Hrsg. v. K. Manger. Heidelberg: Universitätsverlag C. Winter, 2001. 230 S.
72. Schottelius J. G. Der Teutschen Sprache Einleitung // Zu richtiger Gewisheit und grundmeßigem Vermügen der Teutschen Haubtsprache. Lübeck: Matthæi Düncklers Verlegung, 1643. 150 S.
73. Schramm G. Widmung, Leser und Drama: Untersuchungen zu Form-und Funktionswandel der Buchwidmung im 17. und 18. Jahrhundert. Göttingen: GOEDOC, Dokumenten-und Publikationsserver der Georg-August-Universität, 2011. 704 S.
74. Stoll Ch. Sprachgesellschaften im Deutschland des 17. Jahrhunderts: Fruchtbringende Gesellschaft, Aufrichtige Gesellschaft von der Tannen, Deutschgesinnte Genossenschaft, Hirten-und Blumenorden an der Pegnitz, Elbschwanenorden. München, 1972. 235 S.
75. Trevor-Roper H. The General Crisis of the XVIIth century. N.Y.: Harper & Row, 1967. 451 S.
76. Ungern-Sternberg W. Die Armut des Poeten // Text und Kritik. Zeitschrift für Literatur. 74/75. München, 1982. 142 S.
77. Wäschke H. Anhaltische Geschichte. 3 Bd. Cöthen: Schulze, 1912–1913.
78. Weise C. Christian Weisens Curiöse Gedancken Von Deutschen Briefen: Wie ein junger Mensch/ sonderlich ein zukünfftiger Politicus, Die galante Welt wohl vergnügen soll; In kurtzen und zulänglichen Regeln ... vorgestellet ... Dresden: J.C. Mieth, 1691. 552 S.
79. Zesen P. Filip Zesens Durchaus vermehrter u[n]d Zum dritt und letzten mahl in dreien teilen aus gefartigter Hochdeutscher Helikon oder Grundrichtige anleitung zur hochdeutschen Dicht und Reimkunst. 2, Darinnen allerlei ahrten und gattungen deutscher gedichte samt einem Richtigen Anzeiger deutscher gleichlautenden und einstimmigen weiblichen oder abfallenden wörter ... zu finden seind. Wittenberg: Seelfisch, 1649. 340 S.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предмет исследования

Предметом исследования являются посвящения немецких литераторов к князю Людвигу Ангальт-Кётенскому (1579–1650), позволяющие реконструировать представления о правителе-меценате в эпоху Тридцатилетней войны. Автор анализирует девять посвящений, созданных в период с 1625 по 1650 год такими видными деятелями немецкой литературы барокко, как Мартин Опиц, Юстус Георг Шоттель, Георг Филипп Гарсдорффер, Иоганн Мошерош, Филипп фон Цезен и другими. Выбор предмета исследования представляется обоснованным и актуальным для изучения культурной истории Германии раннего Нового времени.

Методология исследования

Методологическая база статьи опирается на инструментарий интеллектуальной истории (в трактовке Л.П. Репиной) и социальной истории. Автор рассматривает тексты посвящений как отражение «интеллектуального климата» эпохи, что позволяет выявить характерные для различных слоев немецкого общества представления о правителе-меценате. Такой подход представляется продуктивным для анализа избранных источников. Однако можно отметить, что автор недостаточно эксплицитно раскрывает применение заявленных методологических подходов в конкретном анализе текстов.

Актуальность

Актуальность исследования обусловлена несколькими факторами. Во-первых, в современной историографии отсутствуют специальные работы, посвященные изучению фигуры князя Людвига как мецената и его восприятию современниками. Во-вторых, исследование вносит вклад в изучение культурной истории Германии периода Тридцатилетней войны, демонстрируя, как в условиях военного времени и духовного кризиса функционировали механизмы патроната и покровительства искусствам. В-третьих, работа расширяет наши представления о социальной роли литераторов в раннее Новое время.

Научная новизна

Научная новизна исследования заключается в том, что впервые предпринята попытка систематического анализа представлений о князе Людвиге Ангальт-Кётенском как меценате на основе посвящений немецких литераторов. Автор вводит в научный оборот ценный корпус источников, ранее не подвергавшихся комплексному изучению в данном ракурсе. Новым является и вывод о формировании в немецкой культуре XVII века образа «идеального мецената» - правителя, который не только покровительствует искусствам, но и сам занимается литературным творчеством.

Стиль, структура, содержание

Статья написана хорошим научным языком, структура работы логична и последовательна. Автор начинает с общей характеристики меценатской деятельности князя Людвига и Плодоносящего общества, затем обосновывает цель исследования и анализирует историографию вопроса. Далее следует характеристика источников, описание социального состава литераторов и анализ их представлений о правителе-меценате.

Содержательно статья богата фактическим материалом, автор демонстрирует глубокое знание источников и исторического контекста. Особенно ценным представляется анализ социального происхождения литераторов и их мотивации в поиске покровительства. Однако местами текст перегружен деталями, которые могли бы быть сокращены без ущерба для основной аргументации.

Библиография

Библиографический аппарат статьи впечатляет своей полнотой - 79 наименований, включая источники и исследования на русском и немецком языках. Автор демонстрирует знакомство как с классическими работами по истории Германии XVII века, так и с новейшими исследованиями. Особенно ценно привлечение многотомного издания переписки Плодоносящего общества (BFGB), что позволяет автору опираться на широкий круг первоисточников.

Апелляция к оппонентам

Автор корректно ведет полемику с существующей историографией, отмечая, что в современных исследованиях фигура князя Людвига «в значительной степени оттенена исследованиями по истории Плодоносящего общества». Критически оценивается и традиционная трактовка общества как исключительно патриотической языковой организации. При этом автор избегает резких оценок и стремится к объективному анализу различных точек зрения.

Выводы, интерес читательской аудитории

Выводы статьи логично вытекают из проведенного анализа. Автор убедительно показывает, что в представлениях немецких литераторов князь Людвиг выступал как «идеальный меценат», сочетавший покровительство искусствам с собственной литературной деятельностью. Важным представляется вывод о взаимозависимости литераторов и меценатов в условиях Тридцатилетней войны.

Статья будет интересна специалистам по истории Германии раннего Нового времени, исследователям истории литературы и культуры, а также всем интересующимся проблемами меценатства и патроната в европейской истории.

Замечания и рекомендации

Желательно более четко эксплицировать применение заявленных методологических подходов в конкретном анализе источников.

Статья выиграла бы от более компактного изложения некоторых разделов, особенно биографических сведений о князе Людвиге.

Полезным было бы включение сравнительного аспекта - сопоставления представлений о князе Людвиге с образами других немецких меценатов эпохи.

Заключение

В целом, рецензируемая статья представляет собой добротное научное исследование, основанное на солидной источниковой базе и современной методологии. Работа вносит существенный вклад в изучение культурной истории Германии XVII века и заслуживает публикации в научном журнале